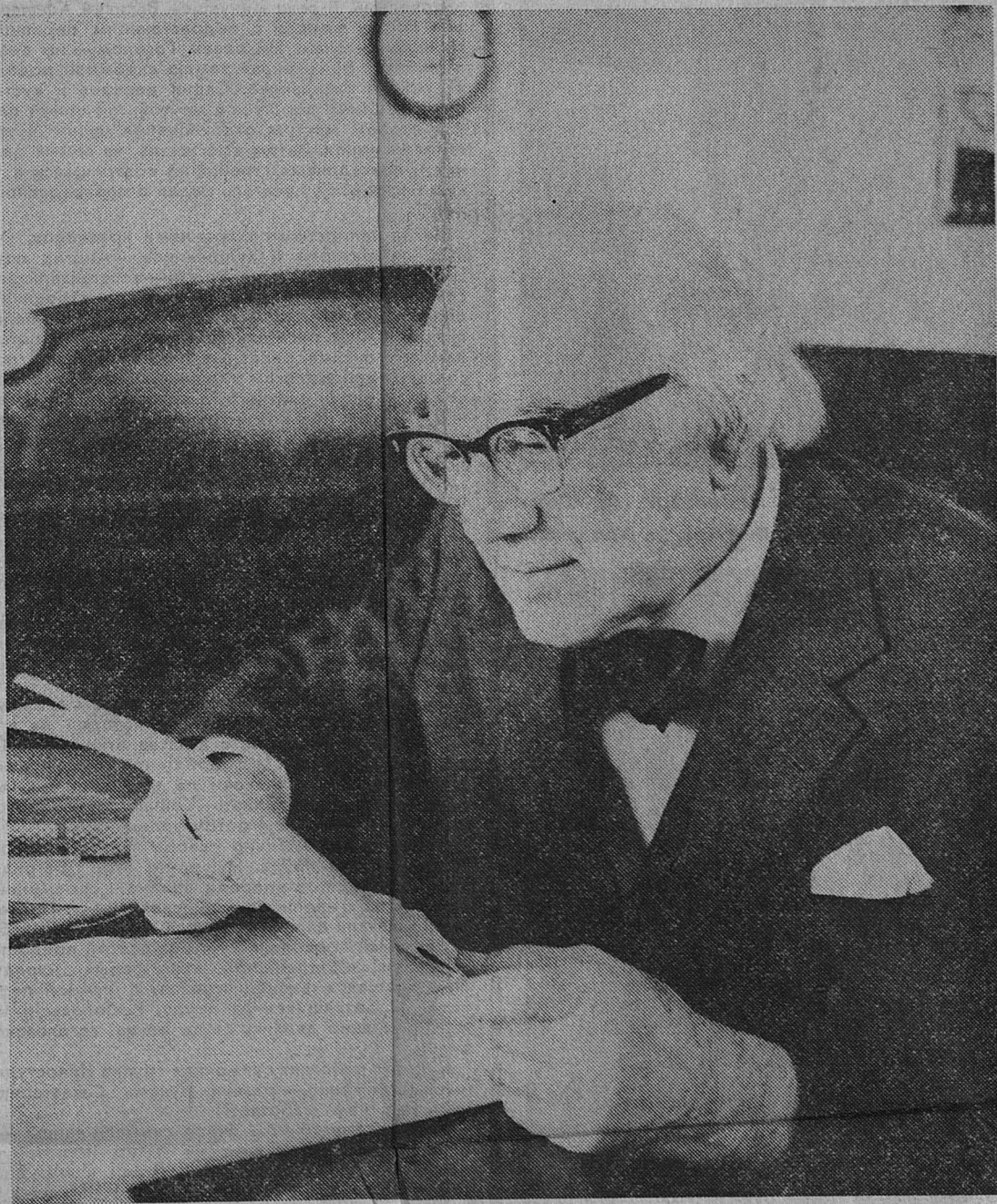

ГАРМОНИЯ ЛИЧНОСТИ

Сегодня исполняется 85 лет Герою Социалистического Труда, народному артисту СССР Игорю Владимировичу ИЛЬИНСКОМУ. Наш корреспондент Л. Днепровский попросил поделиться своими размышлениями о творчестве юбиляра члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР Бориса Дмитриевича ПЕТРОВА.

ет совершенно непривычное для восприятия Расплюева чувство душевного смятения...

А его Фирс! Одна из сравнительно недавних работ Игоря Владимировича. В хрестоматийно известной чеховской роли он точно попадает в одну из жгучих проблем сегодняшнего дня — одиночество старых людей. Эти две-три минуты

в финале «Вишневого сада», когда на сцене никого, лишь Фирс — Ильинский, дорогого стоят! Актер играет так пронзительно, с таким чувством горечи, жалости к своему герою, что возникающая в зале звенящая тишина буквально оглушает, наваливается на нас своей давящей, тяжелой пустотой.

Мне кажется, что сказать об Ильинском: «он по профессии актер» нельзя. У него нет профессии в обычном понимании этого слова. У него есть дело, любимое в жизни дело, которому он служит беззаветно, верой и правдой. К слову, в былые времена у актера так и спрашивали: «В каком театре вы служите?». И не только у актера так спрашивали. Вообще: «Где вы служите?». Подразумевалось — делу.

О той или иной роли он может заговорить, а затем и сыграть ее, не потому, что это вообще интересная роль, а потому, что именно к ней потянулась душа. Ильинский играет, когда знает, что, выйдя на сцену, может сказать сидящим в зале что-то важное о жизни. Только при таком условии он берется за работу над ролью или за постановку спектакля.

Я назвал бы его бойцом в искусстве. Иногда думаю: откуда у него это качество? Может, от спорта, которым он вдохновенно занимался? Я не знаю, кто раньше родился в нем — актер или спортсмен. Наверное, все-таки спортсмен. В пятнадцать лет, кажется, он входил в сборную Москвы по хоккею. Да и наше знакомство произошло на теннисном корте. Сорок лет играли! Выиграть у него было трудно, почти невозможно. В дополнение к теннису — шахматы, страстным любителем которых Игорь Владимирович является до сих пор.

Что он за человек? Говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Я чуть «переиначу»: скажи мне, что ты в жизни ненавидишь... Так вот: и шестьдесят, и тридцать лет назад, и сегодня Ильинский лютой ненавистью ненавидит всякого рода чинуш, приспособленцев, бюрократов, подхалимов, карьеристов. С ними всю жизнь он расправляется своим искусством.

Иногда я думаю о том, что своим творчеством Игорь Владимирович помогает людям разных профессий. Лишь один пример. Для литераторов его чтецкие выступления — прекрасная школа. Он пропагандирует именно ту литературу, которая учит жить, которую должно читать в первую очередь — классическую, лучшие образцы современной...

Он пришел к Толстому, преодолев гигантский путь постижения едва ли не самой сложной, самой противоречивой и гениальной личности в русской и мировой культуре. Он шел по этому пути с упрямством и смелостью подлинного подвижника, карабкался по «каменистым тропам» лабиринта чувств толстовских героев, по бесконечным ступеням истории Гения. Он шел к Толстому сквозь тысячи страниц разных сочинений — от воспоминаний близких писателя до философских рефератов о Льве Николаевиче, диссертаций. Годы и годы шел Ильинский не к роли Толстого, нет, но к исполнению своего долга в искусстве — создать и подарить нам этот прекрасный образ.

Гармония... Это греческое слово обозначено в словаре как «стройная согласованность частей одного целого». Исходя из сего классического определения, свидетельствую: Игорь Владимирович Ильинский — прекрасный пример человека, в котором стройно согласованы простота, доступность, обыденное, обычное с совершенно гениальными всплесками его редкого таланта.

Актер-патриот, актер-мыслитель, один из зачинателей советского театра, Ильинский являет собой личность, которой, говоря словами Пастернака, «держат от первого лица».

● Игорь Владимирович за работой.

Фото В. Соболева [ТАСС].

— Впервые я увидел Ильинского шестьдесят пять лет назад на представлении «Мистерии-буфф» В. Маяковского. Молодой актер играл меньшевика, соглашателя. В ту пору в Европе соглашатели уже начинали расчищать фашистам дорогу к власти. Поэтому в высшей степени было важно разоблачить позиции соглашательства. Осталось впечатление, что это был спектакль-бой, в котором участвовали все присутствующие. Много лет спустя Игорь Владимирович рассказывал, как на репетициях Маяковский и Мейерхольд постоянно вносили в будущий спектакль поправки, добываясь максимально боевого и современного звучания.

Время было интереснейшее. Я и мои друзья абсолютно погрузились в театральные бум тех лет. Театров существовало великое множество. Но наши сердца принадлежали начинанию, связанному с двумя именами — Маяковского и Мейерхольда. А значит, и с именем актера, являвшегося одним из самых ярких выразителей их идей, — Ильинского.

Вторая встреча с Игорем Владимировичем произошла в спектакле «Великодушный рогоносец» Ф. Кроммелинка. Он играл Брюно — человека, подозревавшего в измене свою жену. Все было построено на довольно нелепой ситуации и выглядело очень смешно. Вернее сказать, было бы только смешно, не играй Брюно Ильинский. За внешней эксцентрикой поведения его героя скрывалась глубокая драма обманутого в любви человека, вызывавшая у нас, зрителей, сострадание.

На протяжении шести с половиной десятилетий наблюдая на сцене этого актера, я убедился: Игорь Владимирович навсегда остался верен главному своему принципу: искать и находить целые пласты в характере героев, обогащая образы.

Вообще я бы определил Ильинского в искусстве как человека, в абсолютном большинстве случаев делающего открытия. Он открывает то, что мы как будто бы знаем, но знаем, оказывается, поверхностно. Ну, например, «Детство» Л. Н. Толстого все, кажется, читали. Но, читая, как-то пропустили, если признаться, Карла Ивановича, «пролистали» его. Какой-то там смешной старик, ну и что? А что сделал Ильинский? Он не только не «пролистал» Карла Ивановича, но открыл совершенно поразительную страницу в творчестве Толстого — мир доброго человека! Открыл и потряс! Я видел, как люди плакали, когда Игорь Владимирович читал эту, казалось бы, хрестоматийную, известную со школьных времен вещь. А гоголевские «Старосветские помещики»? Ну смешные старички... Но когда про них рассказывал Ильинский, происходило невероятное! Он говорил о любви старого человека Афанасия Ивановича, о его страданиях после смерти Пульхерии Ивановны, о любви совершенно гигантской, немислимой, заставляющей немать от горя. Это было потрясением!

А его Расплюев из «Свадьбы Кречинского» А. В. Сухова-Кобылина! Ведь как сложилось на протяжении долгих лет? Прохвост, шулер, какой-то униженный, смешной... А Ильинский — и только, заметьте, он! — вдруг «споткнулся» об одну фразу Расплюева, которую все исполнители этой роли обращали против своего героя. Нет, Ильинский не защищал Расплюева, он вскрыл то, что стоит за его судьбой. Когда Расплюев — Ильинский говорит: «Ведь у меня гнездо есть; я туда ведь пищу таскаю», то такая безысходность, такая готика звучит в интонации актера, что, право же, возника-